

Оглавление

- Гомырова Ю. Ю. Принципы номинации населенных пунктов Ростовского района Ярославской области
- Жомбор Б. О предполагаемом финно-угорском субстрате в синтаксисе севернорусских говоров
- Зотина Е.В. Электронная библиотека русских народных говоров КГУ как материал для изучения речевого поведения языковой диалектной личности
- Коконова А. Б. Гроб и могила: лингвокультурные коннотации (на материале северных говоров)
- Корнейко Е. А. К вопросу о регионализмах Белгородской области
- Лукьянова Е.А. К вопросу о принципах номинации в региональном топонимиконе
- Маруневич О. В. Оценочные характеристики концепта «иностранец» в русских поговорках
- Никифорова Д. А. Особенности формирования символического значения диалектного слова (Лингвокультурологический аспект)
- Новиков В. Г. Вербализация представлений о моде в псковских говорах
- Панина Ж. А. Явление мотивированности в лексике семантического поля «Праздники» (на материале архангельских говоров)
- Пронина Ю.В. Номинация как способ репрезентации женщины в русских говорах Мордовии
- Хайдапова А.З. Семантическая адаптация бурятских заимствований в русской речи жителей Республики Бурятия
- Хасанова Е. Д. Лексико-семантическая группа «магические действия» в говорах Среднего Прииртышья

Принципы номинации населенных пунктов Ростовского района Ярославской области

Гомырова Юлия Юрьевна

Студентка Ярославского государственного педагогического университета имени
К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

Любому населенному пункту обязательно присваивается какое-либо имя, которое дается объекту для того, чтобы выделить его из ряда однородных. В качестве основы для названия могут быть использованы как имена собственные, так и имена нарицательные, поэтому анализируемые ойконимы были разделены нами на две группы: ойконимы, образованные от имен собственных, и ойконимы, образованные от имен нарицательных.

Самой многочисленной является группа ойконимов, образованных от имен собственных. Внутри нее мы выделяем три подгруппы: 1) ойконимы, образованные от антропонимов; 2) ойконимы, образованные от экклезионимов; 3) ойконимы, образованные от гидронимов.

Больше всего ойконимов было образовано от антропонимов – личных имен, фамилий или прозвищ людей. Происхождение таких названий различно. Многие ростовские селения образовались из княжеских и боярских дач, помещичьих вотчин, поэтому именовались по фамилиям или по именам владельцев. Например, *село Шестаково* получило название от имени своего владельца князя Лари Шестака. От имени владельца образовано и название *сельца Юрьево*, которое являлось вотчиной князя Юрия Константиновича. Но несмотря на то, что оба эти названия являются отантропонимическими, в основу их положены разные мотивирующие основы. В первом случае (*село Шестаково*) ойконим мотивирован неканоническим именем, а во втором (*сельцо Юрьево*) – именем календарным. Данное различие позволило разделить все отантропонимические названия на топонимы, в основе которых лежат календарные имена, и названия, в основе которых лежат прозвища и неканонические имена. От календарных имен образованы такие ойконимы, как *деревня Григорово* и *деревня Григорьково*. Мотивирующей основой для образования данных топонимов послужило полное каноническое имя Григорий. *Деревня Григорово* получило свое название от имени ростовского князя Григория Ивановича Темкина, а *деревня Григорьково* – от имени боярина Григория Мусина-Пушкина. От некалендарных имен образованы такие ойконимы, как *деревня Малиновка* ← Малина, *деревня Соколово* ← Сокол, *деревня Сорокино* ← Сорока, *деревня Уткино* ← Утиная Лапа. В качестве мотивирующей основы для ойконима могла выступать и фамилия владельца населенного пункта. Например, *деревня Гвоздево* являлась вотчиной князей Гвоздевых, *село Нажеровка (Нажерово)* разрослось из помещичьей усадьбы князей Нажеровых, *деревня Приимково* была постоянной вотчиной угасшего рода Ростовских князей Приимковых, а *деревня Звягино* получило свое название от имени князя Доброслава Звягина, жившего здесь в IX веке.

Следующую группу составляют ойконимы, образованные от экклезионимов – названий церквей и монастырей. Так, от имени церквей образовались ойконимы: *село Андреевское* ← церковь Святого мученика Андрея Стратилата, *село Дмитриановское* ← церковь Дмитриановская и др. Например, *село Богослов* получило свое название от церкви Иоанна Богослова – единственного памятника деревянного зодчества, сохранившегося на территории Ростовского района.

От гидронимов в Ростовском районе образовано небольшое число ойконимов, например: *деревня Вексицы* ← река Векса, *поселок Ишня* ← река Ишня, *деревня Ловцы* ← озеро Ловецкое, *деревня Рюмниково* ← озеро Рюмниково и др.

Группа ойконимов, образованных от апеллятивов, подразделяется нами на две подгруппы: на ойконимы, отражающие естественные особенности объекта, и на ойконимы, отражающие особенности человеческой деятельности.

В первой группе, к которой мы отнесли ойконимы, отражающие естественные особенности объекта, нами выделяется несколько разновидностей в зависимости от

признака, положенного в основу названия. Во-первых, ойконимы могли отражать рельеф окружающей местности: *деревня Высоково, деревня Горки, деревня Крутой овраг* и др. Во-вторых, они могли указывать на расположение населенного пункта относительно какого-либо водного объекта: *деревня Заречье, поселок Приозерный, поселок Поречье-Рыбное*. В-третьих, ойконимы могли отражать особенности растительности в окрестностях населенного пункта: *село Боровицы, поселок Лесной, деревня Подберезье* и др.

Ко второй группе – ойконимам, отражающим особенности человеческой деятельности, – нами отнесены названия: *деревня Баскач, поселок Белогостицы, поселок Варницы, поселок Меленки, поселок Заводской, деревня Огарево*. Например, название *деревня Баскач* местные краеведы, в частности А.А. Титов, этимологически связывают с татарским словом *баскак*, которое означает «татарский наместник, который был обязан собирать дань и следить за выполнением приказов» [Фасмер: 37]. На татарское происхождение данного слова указывает, по мнению А.А. Титова, то, что «близ этой деревни было татарское кладбище» [Титов: 272]. Название *деревня Огарево* связано с ведением в этой местности огневого земледелия.

Ойконимия Ростовского района интересна и тем, что в ней отсутствуют советские идеологические ойконимы, т. е. названия населенных пунктов Ростовского района не отразили в себе веяния советской эпохи, ее идеологические взгляды.

Таким образом, в результате проведенного лексико-семантического анализа ойконимов Ростовского района нами было установлено, что преобладающее большинство названий образовано от имен собственных, в частности от антропонимов.

Литература

Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1971. Т. 1.

О предполагаемом финно-угорском субстрате в синтаксисе севернорусских говоров

Жомбор Богдан

Аспирант Университета имени Этвеша Лоранда, Будапешт, Венгрия

Известно, что в языке севернорусских говоров наблюдаются следы былых контактов с финно-угорскими народами. Анализ языковых, исторических и археологических данных позволяет говорить о предполагаемом финно-угорском субстрате в данных говорах. Заметим, что большинство ученых чаще занимаются исследованием лексики и фонетики говоров этой территории. Синтаксис и фразеология же в таком контексте анализируются реже. Хотя изучение именно этих языковых уровней названных говоров может стать предметом новых направлений будущих исследований.

В истории изучения данного вопроса особого внимания заслуживают имена двух ученых: С.А. Мызникова и Вольфганга Феенкера. С.А. Мызников занимался исследованием происхождения лексики данной территории. Часть своей книги [Мызников: 304-347] ученый посвятил проблеме изучения субстрата данных говоров. По его мнению, в северо-западном диалектном ареале существуют следующие субстратные типы: общеприбалтийско-финский, вепсский, общекарельский, ливвиковский, карельский тверской, людиковский, водско-эстонский, саамские, коми и балтийский [Мызников: 304-347]. Результаты его исследования показывают, что в истории формирования диалектов северо-западной территории большую роль играли прибалтийско-финские языки (народы). В монографии же В. Феенкера предметом исследования являются синтаксические конструкции финно-угорского происхождения, напр.: модель типа «*трава косить*», партитивный объект и др. [Veenker: 163-169].

В нашей работе будет исследоваться вопрос о роли мерянского языка в формировании языковой системы русских говоров. Эта тема в исследованиях ученых, как правило, не затрагивается. Известно, что народ меря рано и интенсивно ассимилировали

восточные славяне. Однако, согласно О.Б. Ткаченко, синтаксический строй названных говоров близок к синтаксису прибалтийско-финских языков [Ткаченко: 126-127].

Конечно, контакты такого типа имеют социальные аспекты. Исторические данные говорят о том, что до заселения территории современного Пскова и берега Чудского озера предками русских на этой территории уже жил народ, который говорил на каком-то неизвестном прибалтийско-финском языке. Смешение восточных прибалтийско-финских народов (ижоры, вепсов, води, карелов) и славян, в том числе и кривичей, происходило в VII-IX веках нашей эры. Эти народы жили на территории древнего Новгорода. Среди новгородских берестяных грамот имеются такие документы, которые написаны на карельском языке [Bereczki: 9-11, 94].

Для финно-угорских языков типичными являются безличные предложения и причастные конструкции, напр.: венгерский: «*Esik.*», зырянский: «*Zeras.*» финский: «*Sataa.*» (русский: «*Идет [дождь].*»), зырянский: «*me sećce loktišjases aźžili*», венгерский: «*Láttam az oda érkezőket.*», (русский: «*Я видел туда пришедших.*», зырянские примеры даются в упрощенном виде) [Lakó: 10, 35]. В севернорусских говорах также часто встречаются причастные конструкции, напр.: «*у него уехано*». Данная модель используется в значении «*он уехал*» [Veenker: 137-139]. Такие сочетания часто называют поссессивным перфектом. Ученые предполагают, что подобные обороты имеют прибалтийско-финское происхождение.

Данный вопрос приобретает особую актуальность в силу того, что в нашем докладе речь идет именно о таких финно-угорских (прибалтийско-финских) языках (народах), которые сегодня стоят на пороге ассимиляции. Понятно, что требуется изучение похожих синтаксических конструкций и в других славянских языках. Безусловно, результаты исследования русского диалектного синтаксиса являются важными и для финно-угорского языкознания.

Литература

Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985.

Bereczki G. Bevezetés a balti finn nyelvészethez. Budapest, 2000.

Lakó Gy. A magyar mondat szerkezet finnugor sajtáságai. Pécs, 1991.

Veenker W. Die Frage des finnougriichen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.

Электронная библиотека русских народных говоров КГУ как материал для изучения речевого поведения языковой диалектной личности

Зотина Елена Владимировна

Аспирантка Казанского государственного университета, Казань, Россия

В последнее время создание электронных ресурсов различных типов является насущной задачей прикладной лингвистики.

Особенно перспективным представляется создание электронных корпусов диалектных текстов. В лаборатории экспериментальной фонетики КГУ в рамках гранта РФФИ ведется уникальная работа по созданию электронной библиотеки русских народных говоров. Источником служат оцифрованные с помощью специального технического инструментария записи диалектной речи, собранные преподавателями и студентами Казанского университета в диалектологических экспедициях с 1960 по 1990 годы.

На сегодняшний день общий объем представленных в библиотеке звукофайлов составляет 200 записей (71 час звучания). Перечень сформированных файлов указывает на то, что в основном это первичные говоры севернорусского и среднерусского ареалов (Архангельская, Костромская, Кировская, Новгородская, Ярославская и др. области). Уникальность нашей библиотеки состоит в том, что, помимо самих файлов и

орфографической записи речи, представлена фонетическая транскрипция в несколько упрощенном виде. Задача максимально передать фонетическую информацию является нашей принципиальной позицией, отличающей электронную библиотеку русских народных говоров КГУ от подобных проектов (диалектного подкорпуса в составе НКРЯ и Саратовского диалектного корпуса).

Подобная электронная коллекция позволяет ставить новые задачи для исследования, особенно интересные с точки зрения современной коммуникативной диалектологии. Наличие звуковых файлов диалектных записей в цифровом формате позволяет проводить акустический анализ речи с использованием современных программ обработки звука. В область наших научных интересов входят исследования антропоцентрической направленности – определение диалектной языковой картины мира, анализ связной устной речи с точки зрения использования коммуникативных стратегий и тактик (как известно, в этом ракурсе диалектные тексты не были предметом активных разработок), изучение особенностей речевого поведения носителя говора. В рассмотрении идиолекта большое место должен занимать так называемый фонетический портрет; кроме того, интересным оказывается анализ морфолого-синтаксических особенностей организации связной речи. По динамике повествования легко выявляется не только коммуникативная грамотность диктора-информанта, но и навыки ее интерактивной природы, что говорит об универсальных началах речевой деятельности как таковой.

В результате анализа речи отдельных дикторов определяется специфика коммуникативного выделения в речи, когда информанты пытались актуализировать ту социолингвистическую информацию, которая могла быть мало знакома городским слушателям: выращивание и обработка льна, сватовство, деревенская свадьба и т. д. В результате экспериментально-фонетического анализа звучащей диалектной речи, представленной в библиотеке, стало возможным изучение специфики просодии речи дикторов разных регионов – так, например, жители Псковской области продемонстрировали эмоционально-экспрессивные характеристики речи, использовали феномен тембральной окраски голоса в организации речевого поведения.

Экспериментально доказано, что информант изменяет качество голоса, когда говорит о чем-то очень близком и эмоционально значимом (например, о своей свадьбе, родителях, о смерти детей и т. д.) или когда рассказывает о жизненных событиях, оставивших у него яркие воспоминания – например, о тяжелой жизни во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Особое выделение приобретают слова, неизвестные слушателю, по мнению информанта, – *«риги молотила»*, *«грабево»*, *«уваля, цветы»*, *«парики длинные»* и т. д. Намеренное использование тембральной выразительности в речи диктора проявляется за счет изменения фонационного качества звучания (перехода на полупшепотную речь, эффекта придыхания голоса, его временной остановки), а также концентрации максимальной энергии на формантных частотах F3, F4, которые, по признанию большинства исследователей, отвечают за индивидуальные и эмоциональные характеристики голоса. Можно определить некоторые особенности организации коммуникативных типов предложения. Для диалектного текста характерен инверсионный порядок слов (*Каровушку, дети за каровушкой, внук пушел с маим мужыком за каровушкой*). Кроме того, характерно использование так называемых лексических актуализаторов, которые указывают на пространственно-временные границы сообщения. Диктор-повествователь способен абстрагироваться от реального времени, пространства и переместиться в прошлое за рамки изображенного мира. [*ишишо зьб'орут / им'о и фамил'ю / н'и одново дн'а н'е уч'илос'а давно ун'икуды н'еход'ила / муж молодой ум'ер / осталас'а дв'е д'евочк'и домоф чај т'ицат 'было / давно жыву зд'ес'атко /*].

Очень часто встречаются в речи разнообразные частицы, в основном постпозитивные – *«было-те»*, *«дроф-то нету»*. В результате экспериментального анализа речи замечено, что часто эти частицы находятся рядом со словами, передающими акцентное выделение на уровне просодии.

Особую выразительность придают анафорические конструкции, когда фраза начинается с одного и того же союза, или синтаксический параллелизм: «... Я кушать хотела, а я и кушать ни магу, и пошла на гулянье, и на гуляньи только и думаю, куда я найду», «Кармилиц ты мой, Колянька, за што ты так руботаешь? За што ты так мучишьсе? Кармилец, изволи работать, наработаешь!.. Кармилец мой, приде время, помрешь, фсе астаница!»

Использование электронной библиотеки позволяет провести комплексный анализ речевого поведения языковой диалектной личности, включающий изучение фонетических и морфолого-синтаксических особенностей организации речи. Диалектные сведения показательны и чрезвычайно важны в плане интерпретации прагматического потенциала диалектного дискурса.

(Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ – 376 № 08-06-00160а)

Гроб и могила: лингвокультурные коннотации (на материале северных говоров)

Коконова Анна Борисовна

Сотрудник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Погребальный обряд, тесно связанный с представлениями о смерти и мире мертвых, является ключевым для понимания народной культуры в целом. Смерть – это ожидаемое событие, естественное завершение жизненного цикла человека. Жизнь – временное пребывание на земле, подготовка к отправлению на «тот свет», что подкрепляется представлением о том, что в этом мире мы «в гостях гостим», а вечная, настоящая жизнь ждет за порогом смерти: *Мы здесь на земли-то в гостях гостим, а туда-то попадем навечно. У нас веть там дом – а здесь мы в гостях гостим.*

Представление загробного мира как дома экстраполируется на названия кладбища: *домовье, буево* (из др.-швед. *bu-* ‘жилище’) [Фасмер 1986:234]. *Как повезут на домовье, штоп на крес повесили* (тряпочку). *А буево - то хоронят. Тут на буеве хороня – зделают гроб, складут мертво тело.*

С представлением о кладбище как о жилище связано и название *погост* (первоначальное значение этого слова – ‘постоялый двор’): *Нет уш, замены не будет, пока-ле не свезут на погос. Мертвые с погоста не вороцяющця.*

Возможно, что в слове *погост* отражена семантика временности (сравните *гостить*). А.К. Байбурин и Г.А. Левинтон указывают на то, что в похоронном обряде ритуальные действия направлены на «воскресение» покойника на том свете. Эта часть обряда не выражена, так как переход в новое бытие происходит вне человеческого коллектива, «за гробом», так что могила, кладбище могут служить как бы еще одной переходной зоной между миром живых и миром мертвых (предков) перед переходом в новый статус *родителей* [Байбурин, Левинтон 1990:64-84].

Ассоциация кладбища с поселением покойников на том свете объясняет восприятие гроба как дома покойного. Лексически это находит свое выражение в названиях гроба с корнем -дом-: *дом, домик, домовина, домовище, домовищеце, домовье.*

Мне скоро дом состроят. Зделает гроб из досок. "Домик себе заработала", – скажут. Стары люди называли домовина, сечяз – домовишию. В домовье покладут, хоронят.

Гроб – дом умершего – может обозначаться словом *избушка*: *Гроб-дом зделали, тебе избушку зделали.*

Гроб как дом мертвых противопоставлен дому живых по следующим признакам:

Вечный/временный:

Веково тебе жилище, тут уж домово. Домовище – гроб-от, што на вещьную память, дом построен, хош как называй его, хош домовище, хош гроб.

Холодный/теплый (гроб – холодный дом, без печки):

Ларивоновна, тебе боле зделали вековешньо домовишчо, тебе вецньо домовишчо зделали, бес кирпишньої жаркой пеценьки, бес скрипуцей полатоцьки.

Темный/светлый (темнота понимается как отсутствие окон и дверей):

Без дверей и без окошэк дом срубили. Будет фсе в домовишчэце своем лежать, не выходу, не выеду.

Ассоциативное сближение гроба с домом проявлялось и на материальном уровне: гробу старались придать сходство с жилищем живых. Например, обязательным было наличие окон, которые либо рисовали, либо (в наиболее архаических культурах) прорубали: *Когда приглашывають, домом называють, раму нарисують. С обоима сторон нацертят рамы, и с нутра тоже. Окошэцьки рисують обязательно. Это жэ его последний дом, и называли домовишиэ. Окошэцько-то рисують, штобы смотрели.* (Кто смотрел?) – Покойной.

Если окошко в гробу было прорублено, его закрывали ставешком: *Окошецько на гробу было зделано, потом накрывають такой ставешок был.*

Сближение семантических областей жилища и загробного мира находит свое выражение и в параллелизме обозначений внутреннего устройства дома и гроба. Так, например, *срубом* называют как основу дома, так и доски, которыми обкладывают могилу изнутри: *Ево в яму не похоронили, а струп зделали. Там (в Онеге) струп как колодесь и крышку покрывають (когда хоронят).*

Для установки окон и дверей в доме делают косяки, называемые *стомиками*. В могиле *стомиками* называются бруски, устанавливаемые под гроб в качестве опоры. *Ево на стомик и поставили кверху головой (гроб).*

Завершая строительство дома, *набирають потолок. Потолком* в могиле называют верхний дощатый настил, который кладется над гробом. *И тут (в могиле) потолок набирають. А теперь футляр делают - яшчык такой сколотят, гроб спустят, а на верх на яшчык потолок, потом землю. Потолки-то наберут когда, а футляроф-то нет.*

Венчает дом крыша, и *крышей* же могут назвать верхние доски, кладущиеся на гроб. *Сверху крышэй называють.*

Дощатый настил над гробом может осмысляться как вход в могилу и называется *сенками*: *Хорошо бы зделал сенки, штоп она (могила) не опадала.*

Интересным является значение слова *полати, полатка*. В доме *полатями* называют дощатый настил между печью и стеной над входной дверью, на котором спали. Что касается устройства могилы, то словом *полати* могли обозначать настил, на котором помещался гроб (*Кладут на полати - четыре столбика поставят, доски положат, на них гроб. Полати зделали, перечинки покинули, 3 перечинки, 3 доски покинуты, а туда домовище*); настил под гробом и над ним (*Оногда кладут полешка, доски кладут - полатями считающа, гроб меш ними*); доски, которыми накрывают гроб (*Полатку зделают – над гробом, полаткой скажут, закрыли – и боле зарывають*). Кроме того, сходное обозначение – *полатница* – имеет доска, укладываемая между лавками, на которых помещается гроб в дни пребывания покойника в доме (*На лафку кладут, да полатницу поставят пошыре-то, вдоль мосту покойника кладут*).

Связь названий *полати, полатка, полатница* с гробом и могилой подтверждают метафору «смерть – вечный сон» (ср. выражение *уйти на долгоспаную жизнь* в значении «умереть»).

Итак, ассоциация гроба и могилы с домом не случайна и подкрепляется как сходными номинациями частей внутреннего устройства дома и могилы, так и глубинными представлениями о смерти и загробной жизни.

Литература

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т.2.

Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

К вопросу о регионализмах Белгородской области

Корнейко Елена Александровна

Студентка Белгородского государственного университета, Белгород, Россия

Диалекты Белгородской области входят в Курско-Орловскую группу, которая сочетает в себе черты Юго-Восточной диалектной зоны и явления Юго-Западной зоны. Говоры, распространенные на территории Белгородчины, имеют общие черты, но в то же время существенно отличаются друг от друга. Поэтому иногда можно говорить даже о разных диалектах, так как на говор одних населенных пунктов Белгородской области оказывает влияние соседство с Украиной, на другие – пограничные области России и др.

Курско-Белгородская диалектная зона представляет большой интерес для исследователя диалектной лексики, поскольку носители говоров указанной зоны исторически составляют две этнические группы: русские (южновеликоруссы) и украинцы (левобережье Днепра). Это определяет тесное взаимодействие между русскими и украинскими говорами.

Диалекты Белгородской области – реальность настоящего времени. Их исчезновение не произойдет и в ближайшем будущем. Однако они заметно изменяются. В связи с сильным влиянием литературного языка на диалекты, в настоящее время приходится говорить о *полудиалекте*.

В лингвистике и в литературоведении существует термин *диалектизм*, т. е. слова, свойственные местным диалектам, употребляемые в составе литературного языка. Диалектизмы неоднородны по своему составу (фонетические, морфологические, синтаксические, семантические, лексические, этнографизмы).

Наряду с термином «диалектизм» в диалектологии также используются понятия «регионализм», «локализм» и «провинциализм» (или «провинционализм»), но они достаточно редки.

Провинциализмы, локализмы – слова и выражения, употребление которых ограничено какой-либо территорией. Термины употреблялись преимущественно в XIX в. для обозначения диалектизмов, отклонений от нормированной речи. [Первый толковый...]

Определение регионализма отсутствует в большинстве активно используемых специальных и толковых словарей (более распространено функционирование термина *регионализм* как общественно-политического: «Регионализм – учет национальных, экономических и др. особенностей, присущих какому-либо региону страны [Краткий словарь...]). Можно предположить, что в лингвистике термин *регионализм* возник как современный эквивалент ушедшего в пассив термина *провинциализм*.

Регионализмы – специфические, только в данном регионе понятные и употребляемые слова и выражения. Подобная региональная лексика достаточно четко структурно организована; в ее составе могут быть и слова литературного языка, и жаргонизмы, диалектные формы, и антропонимы, и топонимы. Обычно язык региона – понятие внутренне неоднородное: здесь присутствуют нормированный литературный язык, говоры и диалекты, распространенные на данной территории, жаргоны и социолекты, городское и сельское просторечие, явления смешения и контаминации родственных или контактирующих языков и др.

Мы бы хотели привести некоторые примеры регионализмов, употребляемых белгородцами.

Например, слово *тремпель* очень часто квалифицируют как диалектизм, но, на наш взгляд, это неверно, так как оно не стоит в одном ряду с таким словом, как *бурак* (свекла), которое несомненно относится к диалектным единицам.

Тремпель – сущ., неодушевл., м.р., 2-е скл.

Значение: то же, что «плечики, вешалка»; приспособление для развешивания одежды.

Этимология: народная этимология связывает данное слово со швейной фабрикой Тремпеля (по фамилии владельца), существовавшей в Харьковской области до

Революции. Фабрика Тремпеля вывешивала и продавала свои изделия на плечиках с надписью «Тремпель», отсюда слово постепенно перешло и на сам предмет.

Также в группу регионализмов следует включить топонимы, например, *Титаник*, *Свечка* (название учебных корпусов вузов Белгородской области), которые как лексические единицы относятся к литературному языку, но содержат в себе указание на областную (региональную) принадлежность.

Слова *потолок* (чердак), *матрешка* (яркий платок из ситца), *чашика* (металлический таз) могут рассматриваться, с одной стороны, как семантические диалектизмы, а с другой – как регионализмы, так как это наддиалектные явления.

На территории Белгородской области имеет место недостаточно изученное диалектное образование, включающее элементы украинского языка в соединении с русским, получившим название суржик (от *суржик* – «хлеб или мука из смеси разных видов зерна, например, пшеницы или ржи»). Суржик – это некодифицированный разговорно-бытовой стиль (речь), который возник вследствие массового продолжительного контакта украинско-русского двуязычия в его диглоссной форме.

Характеризуя диалектные особенности говоров Белгородской области, следует сказать об особом статусе украинизмов в речи белгородцев. Чаще всего их рассматривают как заимствованные слова или как диалектизмы. На наш взгляд, это не совсем верно.

Среди украинизмов можно выделить две группы:

1) Собственно заимствования (например, в произведениях Н.В. Гоголя);

2) Украинизмы, которые можно рассматривать как областные – регионализмы.

Приведем небольшой список слов, которые, на наш взгляд, могут рассматриваться как белгородские регионализмы, пришедшие из украинского языка.

Бреха'ть, брешу, брешешь. Говорить, рассказывать. Лгать, врать, говорить на ветер.

Буды'ль, мн. будылля, будылли. Ботва картофеля.

Гарбу'з. 1) Тыква. 2) Арбуз.

Гро'ши. Деньги.

Захвора'ть. Заболеть.

Полуми'сок. Глубокая тарелка для супа.

Чепури'ться. Прихорашиваться.

Чува'л. Большой мешок.

Чернобри'вцы. Цветы бархатцы (бархатки).

Приведенными примерами доказывается необходимость введения в научный оборот термина *регионализм*.

Литература

Первый толковый большой энциклопедический словарь. СПб., 2006.

Краткий словарь современных понятий и терминов / Сост. и ред. В.А.Макаренко. М., 1995.

К вопросу о принципах номинации в региональном топонимиконе

Лукьянова Екатерина Александровна

Аспирантка Владимирского государственного гуманитарного университета, Владимир,
Россия

В топонимических работах, анализирующих закономерности называния в различных группах топонимов (исследования В.А.Никонова, Н.В.Подольской, Г.П.Смолицкой, А.В.Суперанской, М.В.Горбаневского), постепенно складывается понятие типа мотивировочных признаков в плане их содержания, характеризующего отдельные стороны обозначаемого объекта. За этим понятием закрепляется термин «принцип номинации», который широко используется в современной диалектной и топонимической терминологии. Вслед за Н.В.Подольской, под принципом номинации

будем понимать «основание для связи имени с называемым объектом» [Подольская 1978: 114].

В данной работе предпринята попытка рассмотрения регионального топонимикона в контексте принципов номинации. Объектом исследования явились топонимы (ойконимы и гидронимы) Судогодского района Владимирской области (389 единиц). В ходе анализа была выстроена система наиболее существенных оснований для связи топонима с именуемым объектом, характерных для владимирского топонимикона. Принимая во внимание тот факт, что на современном этапе, в силу определенных факторов, выделяются, по определению А.В.Суперанской, исторически сложившиеся и выдуманные географические названия [Суперанская: 33-34] (Н.В.Подольская делит их на естественные и искусственные [Подольская 1990: 42]), в данной работе мы будем рассматривать только исторически сложившиеся (естественные) топонимы, которые составляют большинство собранного материала (377 единиц).

Традиционная классификация топонимов с точки зрения принципов номинации делит их на три группы: названия, данные (1) по месту расположения объекта (географический принцип), (2) по отличительным признакам объекта, а также (3) по отношению объекта к человеку. Однако подобная классификация не учитывает всего многообразия оснований для номинации. Представляется, что при непосредственном анализе топонимов эту классификацию следует расширить и углубить, что целесообразно делать на примере регионального топонимикона, где встречаются примеры различных мотиваций.

Во владимирском топонимиконе наиболее распространенным принципом номинации можно считать называние по отношению к человеку, поскольку именно человек является не только главным воздействующим субъектом относительно именуемого объекта, но и непосредственным его номинатором. Однако общий принцип называния по отношению к человеку включает в себя множество более узких оснований: 1) от имени первого поселенца (120 топонимов): *Аксёново, Богдановка*; 2) от имени женщины, имевшей в поселении высокий социальный статус (22): *Авдотьино, Натальинка*; 3) от фамилии владельца (24): *Улыбышево, Степачёво*; 4) от прозвища первого поселенца/поселенцев (21): *Карево, Лобаново*; 5) от названия национальности поселенцев – так называемые этнопонимы (14): *Хохлачи*; 6) от обозначения вида деятельности поселенцев (17): *Веригино, Пивоварово*.

Достаточно распространённым является принцип номинации по отличительным признакам объекта. Этот принцип носит во многом субъективный характер, поскольку зависит от непосредственного коммуникативного акта номинатора/номинаторов. По меткому замечанию В.А.Никонова, «в топонимике нет заблуждения опасней, чем распространённое представление, будто название «вытекает» из свойств самого объекта» [Никонов: 26]. Ведь то, что важно для одних, может быть совершенно не важно для других. Во владимирской топонимии принцип номинации по отличительному признаку объекта больше типичен для гидронимии, где отмечается: 1) цвет воды (9 наименований): *р. Черная, р. Серая*; 2) характер растительности – фитотопонимы (13): *оз. Березовое, бол. Елошник*; 3) обитающие в округе животные – зоотопонимы (10): *оз. Корастелиха, р. Ястреб*; 4) характер почвы (17): *р. Каменка, оз. Песочное*.

Если объектами для номинации по отличительному признаку становились поселения, то за основание мог браться наиболее выраженный признак именуемого объекта: 1) характер построек (15 единиц): *Бараки, Мостищи*; 2) форма поселения (11): *Клины, Крюково*; 3) роль отрасли хозяйства (17): *Конюшино, Коняево*.

Указание на место расположения объекта (географический принцип) актуализировал для номинаторов информацию о пространственной организации территории. Наиболее частотна номинация относительно другого объекта: 1) реки (14 единиц): *д. Сойма (от р. Сойма), д. Заястребье (от р. Ястреб)*; 2) поселения (12): *оз.*

Мичуринское (от д. Мичурино), бол. Мызинское (от д. Мызино); 3) возвышенности (10): Нагорное, Загорье.

Исследование основных принципов номинации в региональном топонимиконе показало, что традиционное деление топонимов по основаниям для связи имени с называемым объектом может быть значительно расширено. Так, во владимирском топонимиконе общий принцип номинации по отношению к человеку включает в себя ряд позиций в зависимости от конкретной ситуации называния (от имени/прозвища поселенцев, фамилии владельца, названия национальности жителей, обозначения вида деятельности поселенцев). По отличительным признакам чаще получали названия водные объекты, при этом основаниями для номинации становились признаки, которые номинаторы считали актуальными (цвет воды, характер растительности, обитаемость животными, характер почвы). Номинация по месту расположения объекта несет информацию о соотношении с другим объектом (рекой, поселением, возвышенностью).

Таким образом, общее структурирование, систематизация и последующая дифференциация принципов номинации в дальнейшем позволят выявить новые связи в региональном топонимиконе (в том числе, на примере Владимирской области) и составить более полное представление о нем как о топонимической системе.

Литература

Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.

Подольская Н.В. Проблема ономастического словообразования // Вопросы языкознания. 1990. №3. С. 40-52.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М, 1988.

Суперанская А.В. Что такое топонимика. М., 1985.

Оценочные характеристики концепта «иностранец» в русских поговорках

Маруневич Оксана Викторовна

Молодой ученый, Таганрогский государственный педагогический институт, Таганрог, Россия

Каждый человек как языковая личность имеет свой уникальный способ постижения мира. Однако в нем не исключается «наличие общих инвариантных структур категоризации относительно тех или иных аспектов окружающей действительности» [Петренко, Митина 1997: 179]. В связи с этим, в структуре языковой личности выделяются вербально-семантический (владение естественным языком), прагматический (цели, мотивы, установки), когнитивный (понятие, идеи, концепты) уровни [Караулов 1989: 3-5].

Концепт является сложным и многоаспектным образованием, что объясняет факт существования различных подходов его изучения. Концепт как 1) лингвокогнитивное явление (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин.); 2) лингвокультурное явление (С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин); 3) психолингвистическое явление (А.А. Залевская); 4) культурное явление (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик).

Концепт «иностранец» как принадлежность к другой нации в сознании и в речи носителя языка играет разную роль, в зависимости от прямых наблюдений, от исторического опыта и от взаимоотношений между народами. Как фрагмент русской языковой картины мира он отражает наивное знание о представителях различных наций, которое оказалось запечатленным в паремиологическом фонде языка.

Под поговорками понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях. К поговоркам, как правило, относят пословицы и поговорки, которые несут в себе моральные ценности и нормы или истоки культуры общества, почерпнутые из исторического опыта, воссоздавая подлинную национально-социальную психологию народа [Маккена 1996: 88].

Русские пословицы и поговорки служат источником для выявления характерных черт того или иного этноса с позиции оценки. Под оценкой мы понимаем «разнообразные логические или эмоциональные реакции человека на познавательную действительность,

возникающие при сравнении ее с идеализированной моделью мира» [Ягубова 1995: 134-135]. Наличие или отсутствие этноса в народном творчестве свидетельствует об их значимости в языковой картине мира. Анализ паремий показал, что в русском языковом сознании ведущее положение занимают следующие «иностранные»: татары – 36 паремий, немцы – 34, хохлы – 15, французы – 11, цыгане – 22, греки – 5.

В представлении русского человека немец наделяется хитростью (*Хитра лиса, хитрее лисы – немец*), способностью приспосабливаться к ситуации (*Немец, что верба: куда не ткни, тут и принялся*), склонностью руководить (*Родом не немчин, а указывать горазд*), педантичностью (*Настоящий немец*), обладанием чрезмерными знаниями и умениями (*Немецкая ученость*). Значительное количество пословиц отражает «неполноценность» представителей немецкого этноса в сравнении с русским: *У немцев шинели не по русской метели; Что русскому здорово, то немцу смерть*.

Татары у русского человека ассоциируются с монголо-татарским нашествием и последующим игом (*Нежданный гость хуже татарина*). Поэтому татары воспринимаются как представители нечистой силы (*Рыжего зырянина создал бог, рыжего татарина – черт*), от которых исходит опасность (*Бей сполох – татарин идет*), несущая опустошение и беды (*Пусто, словно Мамай прошел*). Характерной чертой татарского этноса является злость (*Злее злого татарина*), лживость и коварство (*Злее зла татарская честь; Неволей только татары берут*). Однако после присоединения Казанского ханства к Российскому государству отношение к татарам приобрело иной оттенок (*Отошла татарам пора на Русь ходить; Ныне про татарское счастье только в сказках слышать*).

В пословицах про этническую группу хохлов (украинцев) подчеркивается их глупость (*Черт с хохла голову снял да приставил ему индюшечью; Терпеть я не могу этой тесноты, – сказал хохол, опрокинув котелок на треножнике в чистой степи*). Однако в большинстве случаев эта глупость – напускная (*Хохол глупее вороны, а хитрее черта*), что позволяет русским обвинять их в лживости и двуличности (*Хохол не соврет, да и правды не скажет*). Отношение к данному этносу лучшим образом характеризуется эмфатической поговоркой – *Чтоб те хохлы да повыходили!*

Французы наделяются такими чертами как болтливость, беззаботность и легкомысленность (*У француза ножки тоненьки, душа коротенька; Суций француз – говорлив и опрометчив*). В пословицах, возникших в период Отечественной войны 1812 г., в большей степени отражена борьба русского народа с Наполеоном. Так, подчеркивается роль Кутузова (*Приехал Кутузов бить французов*), простого народа (*На француза и вилы ружье*) и погодных условий (*Отогрелся в Москве, замерз на Березине*) в разгроме наполеоновской армии.

Среди характеристик цыгана наиболее широко представлены мотивы скитальчества (*Беспоместный цыган*), обмана, мстительности, воровства (*Цыгану без обману дня не прожить; Кто цыгана проведет, трех дней не проживет*), особенно проявляющиеся при покупке, продаже и обмене лошадей (*У цыгана не купи лошади, у попа не бери дочери*) или участия в ярмарочных представлениях (*Медведь пляшет, а цыган деньги берет*). Что касается биологических характеристик, то русский язык запечатлел выносливость по отношению к морозам (*Цыган с рождества шубу продает*), постоянное чувство голода (*Кому чего, а цыгану – сало*).

Количество пословиц и поговорок, посвященных представителям других народов (поляки, шведы, англичане и т.д.) незначительно. Однако в их характеристиках также преобладают негативные оценки: *Суций итальянец – пройдоха; Что дальше в Польшу, то разбою больше; Бог создал Адама, а черт – молдавана*.

Каритативный блок в пословичном фонде представлен несколькими паремиями: *И в самоедах не без людей; И у цыгана душа не погана; Люблю молодца и в татарине*.

Количественное превосходство русских паремий, реализующих отрицательную оценку к представителям иных народов, связано с присущим русскому сознанию острым чувством коллективизма и принадлежности к определенному сообществу, выделение из

которого на протяжении многовековой истории считалось признаком прислужничества или занятия нечестным промыслом.

Литература

- Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность*. М., 1989.
- Маккенна К.* Роль пословиц в курсе обучения русскому языку // Сб. науч. тр. «Язык русского фольклора». Петрозаводск, 1996. С. 78-90.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания: на материале политического менталитета. М., 1997.
- Ягубова М.А.* Оценки и эмоции // Сб. науч. тр. «Язык и эмоции». Волгоград, 1995. С. 133-142.

Особенности формирования символического значения диалектного слова (Лингвокультурологический аспект)

Никифорова Дарья Александровна

Аспирантка Томского государственного университета, Томск, Россия

Диалектное слово, являясь культурно маркированным средством коммуникации в национальном социуме, присутствует в двух сферах жизни народа: бытовой и ритуальной. Вещи в народном миропорядке обладали полифункциональной семантикой, т. е. способностью транслировать сакральные смыслы. Так, предметы крестьянского быта, являющиеся чем-то одним в повседневности, становятся совершенно другим в ритуале. Лексическое значение диалектного слова, таким образом, распадается на собственно материально-бытовое и сакральное.

Так, значение диалектного слова складывается из трех компонентов: *денотативного* компонента, связанного с бытовыми функциями обозначаемой реалии, *коннотативного* (сакрального) компонента, характеризующего употребление предмета в обряде, и *символического*. Место символического компонента в значении диалектного слова определяем вслед за Н.И. и С.М.Толстыми, по мысли которых слова естественного языка могут приобрести в языке культуры «особые символические значения..., которые «надстраиваются» над всеми прочими уровнями значения» [Толстой: 291] и закономерно с ними связаны. Таким образом, символическое значение соединяет в себе утилитарную семантику слова и его сакральный смысл.

Обрядовая жизнь крестьянского сообщества предъявляет особые требования к материальному миру: коллективное сознание «договаривается» о новой функции вещи в ситуации обряда, что естественным образом отражается на семантическом объеме лексемы, ее называющей. То есть, слово и вещь соединяются в обряде, они «могут семантически совмещаться – выступая заместителем или символизатором одно другого» [Степанов 2001: 74]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что символический компонент разбивается на функции, реализуемые лексической единицей, номинирующей предмет в обряде.

Функции:

- 1) Граница (*веревка, лавка, порог, матка, ворота* и др.);
- 2) Оберег (*веник, вуаль, полотенце, платок, сковородник* и др.);
- 3) Дар / подарок (*полотенце, платок, ель* и др.);
- 4) Прогнозирование (*стакан, стол, сундук, тарелка, шуба, вода, баня* и др.);
- 5) Согласие / несогласие (*ставит самовар, стол, полотенце, платок, пиво, чай* и др.);
- 6) Соединение (*платок, полотенце* и др.);
- 7) Статус (*платок, лента, вуаль, коса* и др.);
- 8) Демонстрация (*тарелка, полотенце, сундук* и др.);
- 9) Обозначение обряда или этапа обряда (*курник, платок, шить, стол, придано, ворота, плакать, квашня* и др.);
- 10) Замещение (*ель, веник* и др.).

Функции реализуются в одноименных семах лексических единиц, обозначающих материальную часть обряда. В свою очередь, названные семы являются основой формирования символического значения слова.

Важно отметить, что лексическая единица может менять функции в зависимости от этапа, локуса и пр. в обряде, которые будут входить в символическое значение данной лексемы. Так, например, лексическая единица *платок* выполняет функции: дар, согласие, оберег, демонстрация. Символическое значение лексической единицы *платок* включает все вышеперечисленные функции. Так, *платок* – это символ дара, согласия родителей на брак, оберега от потусторонних сил и демонстрации непорочности невесты.

Важным аспектом, влияющим на формирование символического значения, является характер распространителя, стоящего при лексической единице и указывающего на «глубинный» смысл, заложенный народным сознанием. Нами выделяется три типа распространителей: а) **акциональные** (*сидеть под платком, ходить по лавке, накрывать полотенцем, подносить тарелку, стелить шубу и др.*); б) **признаковые** (*венчалное, чайное, визитное платье; невестин, стряпкин, молодухин стол; длинная вуаль и др.*); в) **образа действия** (*плакать причетом, вить голосом и др.*). Распространители уточняют символическое значение. Очень часто определить символическое значение без распространителей, окружающих единицу невозможно.

Таким образом, символический компонент значения диалектного слова надстраивается над денотативным и коннотативным компонентами и зависит от них. Символический компонент имеет грани, то есть каждый раз реализуется по-разному в зависимости от функции предмета. Важную роль в определении функции реалии, обозначаемой лексической единицей играют распространители, уточняющие символическое значение.

Литература

Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Степанов Ю.С. Константы русской культуры. М., 2001.

Вербализация представлений о моде в псковских говорах

Новиков Вячеслав Геннадьевич

Студент Псковского государственного педагогического университета, Псков, Россия

Широко используемая в лингвистике полевая модель утверждает представление о языке как системе подсистем, которые взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга. В процессе полевого структурирования раскрываются связи между языковыми явлениями, механизмы этой связи и их закономерности, но в меньшей степени можно составить представление об особенностях языкового сознания, его национальных специфических чертах, поскольку семантическое поле представляет собой одну из форм систематизации языкового материала (значений). Выделение понятийного поля «Мода» характеризуется семантической связью между элементами поля, наличием системной структуры, аттракцией, неравномерностью поля. Однако анализ «текстовых значений» показывает, что любое понятийное поле фактически не имеет границ, его выделение условно и на деле произвольно ограничивается определенным участком лексики [Стернин: 36-85]. Современная лексика понятийного поля «Мода» как открытая, постоянно развивающаяся полисистема характеризуется новыми концептуальными оппозициями, сложным структурно-семантическим устройством, морфологическим и синтагматическим разнообразием единиц, увеличением их информационной и лингвокультурной значимости. Сложно-разветвлённая структура рассматриваемой лексической подсистемы, состоящая из множества пересекающихся лексико-тематических классов и подклассов, детерминирована комплексной природой самого обозначаемых предметов – предметов, входящих в сферу «Мода».

Сложность данного понятийного поля заключается в разновременности происходящих изменений моды, разнонаправленной оценки реалий, которые сказываются на контекстуальном окружении ядерной и периферийной зон. Понятийное поле «Мода» тесно связано с такими понятийными полями, как «Красота», «Зрительное восприятие», «Одежда» и т.п., поэтому пересечение таких полей заставляет расширить круг исследуемых лексем и выделять в понятийном поле «Мода» ядерную и периферийную зоны. В отдельных случаях включение единиц в круг рассматриваемых слов идет в связи с тем, что контекстуальное окружение слова дает указание на пересечение с полем «Мода» (ср. **балахо́н, а, м.** 1. Верхняя одежда из холста свободного покроя, надеваемая летом поверх рубахи, а зимой поверх шубы. *Сними́ ты свой балахо́н, в нём так пло́ха.* Гд. [ПОС, 1: 100], в том числе и через оценочные слова типа **хорошо, плохо**, которые могут передавать восприятие вещи, образа человека по отношению к моде.

Указание на возможность включения слова к понятийному полю «Мода» может быть выражено с помощью сравнительного оборота: *Мало́ динькии гара́з дабры́, как ку́алки.* Пуст. [ПОС, 9: 91]; а также слов с оценочной коннотацией: **бесче́стно, нареч.** *«Па́ринь в нас ади́н, где́-та был ф тёплых стра́нах, так в няво́ во́ласы вы́лязли. Маладо́му яму́ е́та бишче́сна».* Кр. [ПОС, 1: 196].

Контексты слов, относящихся к ядерной зоне понятийного поля «Мода» (**измо́да, мо́дненький, мо́дник, мо́дница, мо́дно, мо́дный, мо́душка, мо́да и [мо́дя?], мо́дина, мо́дистый, мо́днёха**), свидетельствуют, что данная лексика отражает саму природу моды – быстротечную, изменчивую и не всегда понятную: *Така́ я мо́да бы́ла: ко́фтацка и ю́пка. Тагда́ пла́тьиф в мо́ды ни бы́ла.* Остр. [ПОС, 18: 281-282]. Можно увидеть, какие вещи (одежда, головные уборы, обувь и т.д.) являлись модными, соответствующими вкусам, потребностям общества в определенный период времени: *Брю́ки-галифе́, Фра́нция привязла́ мо́ду.* Сл. *Ни ста́ла мо́ди, в лаптя́х ни хо́дют. Типе́ря фсе́ ф кле́тку но́сят, паня́ли мо́ду.* Себ. [ПОС, 18: 281-283]. Также прослеживается оценка тех людей, которые идут в ногу с модой или не делают этого: *Я мо́нная бы́ла: где мо́да - тако́й фасо́н и пакупа́ла.* Пск. *Ана́ де́фка така́ мо́нная, краси́вая, ей и не даи сваи́х гадо́ф.* Дн. **Мо́нная, краси́вая, зна́чит, што́-то выделя́юшиа.** Дн. [ПОС, 18: 282].

Эстетические свойства природных явлений и общественной жизни имеют объективно-материалистическую сущность [Босова 1998]. Оценка же прекрасного обладает субъективным характером. Эстетическое суждение выражается всегда в форме непосредственно эмоциональной оценочной реакции. Эмоционально-оценочный компонент является той универсальной основой, на которой происходит взаимодействие семантических и смысловых полей прилагательных, обозначающих признак «красивый», свойственных носителям псковских говоров.

Надо заметить разницу между пониманием моды носителями литературного языка и псковских говоров: в псковских говорах понятие моды часто связано с понятиями ‘аккуратный, красивый’: **аккура́тненький** 2. Красивый, ладный. *Кака́ харо́шынька иша́пнинька, укура́тнинька де́вачка.* Гд. + **аккура́тненький:** Холм. [ПОС, 1: 56]. Оцениваться может внешний облик человека в целом: **драни́чник², а, м.** Кто ходит в рваной одежде, оборванец. -- в сравн. *И што ты одева́ешиа каг дра́нишник.* Пушк. [ПОС, 9: 195], детали одежды, ее особенности: **квет, а, м.** 5. мн. Узор на ткани в виде цветов. *Кака́ я ф тибя́ па́ра краси́вая, и ко́фта квята́м, и ю́пка мо́нная.* Оп. [ПОС, 14: 87]; украшения: **галу́н¹, а, м.** Позументная тесьма для украшения одежды, головных уборов. *Мо́да така́ я бы́ла. Паво́йка, как павянца́ лись, так и пако́й, галу́на́м вы́шит, твьятка́м.* Пушк. [ПОС, 6: 133-134].

Анализ такого важного феномена культуры, как мода, необходим для понимания причины практически не ограниченного многообразия предметов одежды, а также для выявления тех внешних факторов, которые определяют внутренние процессы, постоянно происходящие в лексике русского языка.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т.2. М., 1995.

Босова Л.М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных: психолингвистический аспект: Автореф. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып.1-19. Л. (СПб), 1973-2008.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Явление мотивированности в лексике семантического поля «Праздники» (на материале архангельских говоров)

Панина Жанна Александровна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

На территории Архангельской области было отмечено более трехсот лексем, обозначающих различные виды церковных и сельскохозяйственных праздников и молодежных гуляний (по данным картотеки «Архангельского областного словаря», 1-12 выпусков этого словаря и материалов, собранных автором в ходе полевых экспедиций 2006-2009 гг.). Не все они могут быть названы праздниками в том значении, в котором это слово функционирует в современном русском литературном языке, но можно утверждать, что все лексемы, входящие в рассматриваемую семантическую область, имеют общий компонент значения 'перерыв в череде повседневных забот и занятий, отдых после завершения какого-либо вида работы'. С течением времени на территории Архангельского региона сложилась многоуровневая и сложная система взаимодействия этих праздников и гуляний (в годовой круг сельскохозяйственных работ и следовавших за их окончанием праздничных гуляний после принятия христианства включились и события церковного календаря, и молодежные гуляния, в большинстве своем также приуроченные к церковным праздникам). Праздники играли очень важную роль в жизни деревни, причем не только как отдых после завершения определенного этапа работы, но и как средство сохранения и укрепления родственных связей, сближения людей, завязывания брачных отношений. Вследствие этого данная семантическая область в диалекте, в отличие от литературного языка, является детально разработанной.

Из более чем трехсот лексем, рассматриваемых нами в составе семантической области «Праздники», около 95% относятся к словам с прозрачной внутренней формой, в чем проявляется «одна из ведущих тенденций языкового развития – тенденция к мотивированности языкового знака» [Блинова: 11]. Для каждого из субполей семантического поля «Праздники»: «Молодежные праздники и гуляния», «Праздники сезонно-трудового цикла», «Праздники церковно-календарного цикла» характерно преобладание определенного типа номинации, а также зачастую и общность словообразовательных моделей.

В лексемах рассматриваемого семантического поля отражены следующие мотивирующие признаки:

1. «Молодежные праздники и гуляния»:

– Темпоральный признак: *вечерка, утренняя, сутемка* и т. д.;

– Способ времяпрепровождения: *поседка, сижонка, гульба, игрище, игрушка, беседа* и т. д.;

– Основное занятие: *супрядка*;

– День, в который обычно проводилось гулянье: *суботка*;

– Характер присоединения участника события к самому событию: *сбеганье*;

– Место проведения: *мечище, улица, угор*.

2. «Праздники сезонно-трудового цикла».

- Вид сельскохозяйственной работы, в честь окончания которой устраивается праздничное гуляние: *вороховое, выкоска, вымолотка, догребеха, дожинки, докосное, отсевное, пожинаха* и т. д.;
- Основное блюдо, подаваемое на праздник: *каша, фила* (обрядовое кушанье – колоб из ячменной муки);
- Ритуальный предмет, сопровождающий празднование: *борода* (последний сноп, остающийся на поле после сбора урожая);
- Название той части дома, в честь завершения строительства которой устраивается угощение: *дымовое, князевое, коньковое, крышное, матичное, окладное* и т. д.

3. «Праздники церковно-календарного цикла».

Особенностью наименований данного субполя является то, что «часть лексем либо заимствована из официальной церковной терминологии без изменений, либо претерпела лишь фонетические изменения» [Толстая: 377]. Для остальных лексем выделяются следующие мотивирующие признаки:

- По главному компоненту его официального церковного названия (*Богородица, Богослов, Пречистой* и т. д.);
- По народной форме имени святого (*Микола, Илейка, Егорей* и т. д.);
- На основе переосмысления имени святого в соответствии с народной этимологией (*Луков день, Маков день*, ср. *Лука – лук, Маккавей – мак*);
- По метеорологической характеристике дня (*Николай Мокрой, Васильники-капильники* (ср. капель), *Ильиней-сеногной, Аксинья-полужимница* и т. д.);
- По связи праздника (реальной или мифологической) с какими-либо животными или насекомыми (*Конской праздник, Комариной праздник* и т. д.);
- По обрядовому наполнению праздника (*Тетерочной день* – в этот день было принято печь обрядовое печенье в форме птиц);
- По поговорке (присказке) или ее фрагменту, сопровождающему название (*Земля-именинница, Кирики-Улиты сердиты* и т. д.).

Таким образом, в основу номинации праздников положены признаки, отражающие реальные характеристики события. В составе ЛСГ «Молодежные праздники и гуляния» наиболее распространена мотивировка по следующим признакам: темпоральному; основному занятию или действию. Подавляющее большинство названий праздников сезонно-трудового цикла имеют мотивацию на основании действия, по окончании которого устраивался сам праздник. В названиях праздников церковно-календарного цикла преобладающей является мотивировка именем святого. Особый интерес представляет мотивировка, отражающая народные метеорологические знания и представления.

Литература

- Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980. Вып. I.
 Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. М., 2009.
 Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Номинация как способ репрезентации женщины в русских говорах Мордовии

Пронина Юлия Викторовна

Студентка Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, Саранск,
 Россия

Процесс номинации позволяет проследить особенности формирования и существования знаний человека о мире, зафиксировать в слове результаты оценочной, познавательной деятельности. Как отмечает О.И. Блинова, «принцип номинации – это исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых наименований» [Блинова: 222]. Обилие производных слов в говорах доказывает, что «диалектное словообразование, видимо, лучше отражает языковой

менталитет народа» [Цыганова: 86], позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира. В связи с этим особый интерес вызывает изучение способов номинации женщины в русских народных говорах. Исследование проведено на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» [СРГРМ].

Данного рода существительные составляют значительную и разнообразную по семантике и структуре группу слов в русских говорах Мордовии. Следует отметить, что в говорах наиболее продуктивной является номинация женщины на основе наименования мужчины по тому или иному предмету, признаку, действию. В таких случаях существительные мужского рода становятся мотивирующими: *кержа́нка* от *кержа́н* – ‘старообрядец’, *курса́нтка* от *курса́нт* – ‘студент’, *легоста́йка* от *легоста́й* – ‘лентяй, бездельник’, *мороку́нка* от *мороку́н* – ‘жулик’ и др. Во всех случаях происходит усечение суффикса у существительного мужского рода и присоединение к основе суффикса со значением женскости.

Зафиксированы многочисленные наименования женщин по предмету, с которым их профессиональная деятельность непосредственно связана: *коровя́тница* – ‘женщина, которая ухаживает за коровами и доит их’, *кура́тница* – ‘женщина, ухаживающая за домашней птицей’, *расса́дница* – ‘женщина, выращивающая рассаду, овощи’ и др. Особую подгруппу составляют отсубстантивные образования с локативной семантикой: *избачи́ха* – ‘заведующая избой-читальней, работница библиотеки’, *почта́риха* – ‘женщина-почтальон’, *тюре́мница* – ‘женщина, сидевшая в тюрьме’ и т. п. Как видим, в русских говорах распространены наименования по роду занятий, репрезентирующие наиболее значимые для диалектоносителей социальные функции женщины.

В исследуемых говорах разнообразны наименования женщин по производимым ими действиям. Глагол, который кладется в основу номинации, репрезентирует черты характера, особенности поведения женщины (*брезгу́нья* – ‘брезгливая женщина’, *притвори́ца* – ‘притворищица’, *хохота́лка* – ‘смешливая женщина, хохотушка’, *лысма́нка* – ‘женщина, которая любит бродить, ходить’ от диалектного глагола *лысма́нить* – ‘ходить’, *растащи́ха* – ‘женщина, которая проживает из дома вещи’ и др.), специфику речевого поведения (*крику́ха* – ‘криктивная женщина’, *ля́палка* – ‘сплетница’ от диалектизма *ля́пать* – ‘говорить что-либо неудобно, некстати’ и др.), положение женщины в обществе (*векову́шка* – ‘старая дева’, *прислу́жница* – ‘любовница’ и др.), род деятельности (*посо́бка* – ‘помощница в каком-либо деле’ от диалектного глагола *посо́бить* – ‘помочь’, *стря́пка* – ‘женщина, которая готовит пищу’ и др.).

В некоторых случаях в основу наименования кладется признак, характеризующий женщину по умственным способностям (*бестолку́шка* – ‘бестолковая женщина’), внешнему виду (*вохла́тка* – ‘женщина с взлохмаченными, растрепанными волосами’, восходящее к диалектному прилагательному *вохла́тый* – ‘растрепанный’, *рябу́ха* – ‘рябая женщина’, *сиву́лька* – ‘женщина с белокурыми волосами’), характеру, особенностям поведения (*чума́зка* – ‘грязнуля’, *лазу́чка* – ‘девочка, любящая подниматься, взбираться куда-либо’, *чисту́ха* – ‘чистоплотная женщина’), возрасту (*ста́рка* – ‘старая женщина’), положению в семье (*малу́ха* – ‘жена младшего сына’, *стари́уха* – ‘старшая дочь’, *стари́ца* – ‘старая дева’, *жененка* – ‘замужняя женщина’ от диалектного слова *жененный* – ‘женатый’, *меньшу́ха* – ‘жена младшего сына’ и т. п.).

В русских говорах Мордовии зафиксированы отдельные наименования женщины по количественному признаку. В основе номинации лежит количественное числительное, называющее женщину по возрасту (*сороковка* – ‘женщина лет сорока’), порядковое числительное, указывающее на положение женщины в семье (*вторя́нка* – ‘вторая жена’). Интересны случаи, когда в основе номинации женщины лежат устойчивые словосочетания: *лубя́нка* – ‘женщина, лишенная стыда’ мотивировано диалектным фразеологизмом *лубя́ные глаза́* – ‘о человеке, лишенном чувство стыда’.

Таким образом, способы номинации в русских говорах отражают систему ценностей сельских жителей, их представления о человеке, окружающем его мире, раскрывают социально значимые в сознании диалектоносителей представления о женщине. Рассматриваемые наименования представляет собой отражение стереотипных представлений о женщине как носительнице социально предписанных качеств и свойств: при этом определяющую роль традиционно играют трудолюбие, чистоплотность, способность трудиться, содержать домашнее хозяйство, продолжать род.

Литература

Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007.

[СРГРМ] – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: А–Я. Саранск, 1978-2006. Т. 1-8.

Цыганова К.Л. Словообразовательная структура названий лиц женского пола в русских говорах на территории Мордовии // Диалектное словообразование, морфемика и морфология: Исследования и материалы. Вологда, 2008. Т. 2. С. 85- 96.

Семантическая адаптация бурятских заимствований в русской речи жителей Республики Бурятия

Хайдапова Аюна Зоригтуевна

Аспирантка Бурятского государственного университета, Улан-Удэ, Россия

Одной из главных и почти не изученных проблем в современном языкознании является проблема освоения лексических заимствований из национальных языков народов России, в том числе и из бурятского языка.

Заимствования из бурятского языка составляют довольно значительный пласт в речи жителей Бурятии, например в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова насчитывается около 300 единиц.

Среди бурятизмов выделяются следующие основные тематические группы: 1) названия предметов быта, одежды, кушаний, напитков: *барилка* (бур. барюул) ‘подушечка для прихватывания горячей посуды’, *дыгыл* (бур. дэгэл) ‘длиннополая шуба из овчины’, *шуля* (бур. шулэн) ‘мясной бульон’, *шара* (бур. шаара) ‘чайные выварки’; 2) названия растений: *ургуй*, *иргуль* (бур. ургы) ‘подснежник’, *мандир*, *мангыр* (бур. мангир) ‘дикий полевой лук’; 3) названия диких животных, птиц: *тарбаган* (бур. тарбаган) ‘степной сурок’, *бубольжин*, *бубутун* (бур. бубуулжэн) ‘удод’; 4) скотоводческая терминология: *бурун* (бур. буруу) ‘годовалый теленок’, кашырик, качирык (бур. хашараг) ‘двухгодовалый теленок’, *яман*, *иман* (бур. ямаан) ‘домашний козел’; 5) человек, его родственные и другие отношения: *атхон* (бур. одхон) ‘младший ребенок в семье’, *хубун* (бур. хубуун) ‘мальчик’, *тала* (бур. тала) ‘друг, самый близкий приятель’; 6) слова, характеризующие человека: *зудырь* (бур. зутар) ‘грязный, неряшливый человек’, *мыдыковатый* (бур. мэдэхэ) ‘умный’; 7) религиозная терминология: *лама* (бур. лама) ‘буддийский монах’, *бурхан* (бур. бурхан) ‘бурятский бог, буддийская статуэтка’, *обон* (бур. обоо) ‘сопка, где совершается бурятами религиозный обряд’, *цагаловка* (бур. сагаалган) ‘буддийский праздник первого весеннего месяца’; 8) географическая терминология: *аршан* (бур. аршаан) ‘источник с целебной водой’, *дабан* (бур. дабаан) ‘горный перевал’; 9) топонимы: *Хандагатай*, *Джидда*, *Загустай*, *Шара-Гол*, *Баин Булаг* и другие.

При заимствовании бурятизмы во многих случаях подверглись процессу адаптации, прежде всего семантической. Бурятские заимствования в русской речи можно распределить на следующие группы:

1. Заимствования, которые в языке-источнике были многозначными, а в русские говоры вошли с одним значением. Например, лексема *барюул* в бурятском языке известна в трех значениях: 1) ручка, рукоятка, черенок, дужка (у ведра), скоба (у дверей), 2) руль, 3) тряпица, прихватка, ухват. В речи жителей Бурятии она функционирует с одним значением ‘прихватка’. При этом отмечается некоторое сужение его значения. Анализ такого рода заимствований показывает, что из нескольких значений, составляющих

семантическую структуру многозначного слова, русским говором воспринимается наиболее конкретное, обозначающее более частное понятие, при этом отмечается некоторое сужение этого значения.

2. Заимствования, моносемантические в бурятском языке, но ставшие полисемантическими в русском. Например, слово *хорголки* (бур. хоргол) в языке-источнике имеет значение 'помет коз, овец, верблюдов', а в русском, кроме номинативного, оно приобрело значение 'конфеты – горошек в шоколаде'. Часто у некоторых слов данной группы производные значения имеют эмоционально-экспрессивную окраску (например, *тулугун* (бур. тулгэ) в русском говоре употребляется в двух значениях: 1) 'двухлетний теленок', 2) 'слабый, маленький ребенок', тогда как в бурятском языке только в первом, при этом значение, развившееся в русском говоре, имеет экспрессивную окраску.

3. Заимствования, однозначные и многозначные, сохранившие свойственную им семантическую структуру как в языке-источнике. Большинство таких слов, сохранивших объем обозначаемого ими понятия, обозначает виды домашних и диких животных (*хурган* 'ягненок', *тарбаган* 'сурок', *хандагай* 'лось'), виды кушаний (*хурут* 'вид сырков'), виды растений (*халагай* 'крапива').

4. Заимствования, в которых отмечается сужение значения. Например, лексема *бээлэй* в бурятском языке обозначает любые рукавицы. В русской речи происходит сужение значения данного слова: *бэли* 'теплые рукавицы, связанные из мерлушки', данное слово входит в родо-видовые отношения со словами *верхонки*, *вареги*, *перчатки*.

Таким образом, заимствуются бурятские слова определенных тематических групп, которые при переходе в русский язык нередко изменяют свою семантическую характеристику.

Лексико-семантическая группа «магические действия» в говорах Среднего Прииртышья

Хасанова Елена Дамировна

Студентка Омского государственного университета имени Ф.М.Достоевского, Омск, Россия

Исследование посвящено анализу лексико-семантической группы (ЛСГ) «магические действия», представленной в материалах диалектологических экспедиций ОмГУ имени Ф.М.Достоевского в Омскую область. В центре внимания оказались наиболее частотные лексемы данной группы.

С помощью этимологического и компонентного анализа были выявлены значения диалектных слов, которые позволили разделить ЛСГ на несколько подгрупп. В зависимости от мотивировочного признака ЛСГ делится на классы. В большинстве случаев мотивировочным признаком является средство совершения обряда (материальное или нематериальное):

1. Специальное вещество, зелье: *присушивать* 'добиваться любви ворожкой' (*присушка* 'зелье из сушеных трав');

2. Слово, звук: *гадать* 'узнавать будущее или прошлое', *выгадывать* 'гадать на любовь' (родств. чеш., словц., польск. *hádati, hádat'*, *gadać* 'говорить, беседовать' [Фасмер: 1, 381]), *заговаривать* 'воздействуя заговором, прекращать боль' (родств. др.-инд. 'издаю звук, кричу', [Фасмер: 1, 424]), *колдовать*, *околдовать* 'подчинить волшебной силе' (родств. лит. *kalba* 'язык', [Фасмер: 2, 287]), *шептать* 'ворожить' (звукоподражательное [Фасмер: 4, 428]);

3. Зрение: *сглазить* 'навредить дурным глазом' (слав. *glazь* 'шарик' развило значение 'орган зрения'. [Фасмер: 1, 409]);

4. Нечистая сила: *присуседить* 'наслать порчу' (существует вера в *дэдушку-суседушку* – домового, который запутывает волосы), *ворожить* 'гадать', *приворожить*

'приманить ворожкой' (др.-русс. ворогъ 'враг, нечистый, черт' [Фасмер: 1, 352]). Кроме того, сами лексемы *присосѣдить* и *ворожить* обладают ярко выраженной негативной окраской. Ср.: в других говорах *присусѣдиться*, *присусендиться* 'присоединиться без приглашения' [СРНГ: 31, 431];

5. Свойство человеческого характера – хитрость: *причаровать* 'приворожить', *чаровать* 'колдовать', *очаровать* 'подчинить колдовством' (др.-русс. чарь 'колдовство', праслав. čar родств. авест. čāra 'средство', новоперс. čāra 'средство, хитрость',) [Фасмер: 4, 317].

В некоторых случаях в основу наименований легли признаки, отражающие отношение носителей диалекта к действиям и их результатам:

6. Негативное отношение к действию: *завербовать* 'приворожить, опутать' (нем. werben 'набирать в солдаты'), *подѣлать* 'навести порчу' (ср. сербохорв. дјелати 'делать, работать, строгать') [Фасмер: 1, 496];

7. Отрицательный результат: *пóртить* 'навести порчу' (др.-русс. испъртити, польск. рагсієс 'прорасти во влаге и тепле (о колосьях, картофеле)', 'делаться волокнистым, деревянистым', [Фасмер: 3, 335]), *опутать* 'подчинить с помощью колдовства' (др.-русс. путо 'кандалы', ср. с лит. spandyti 'натягивать' [Фасмер: 3, 412]).

Как видим, наиболее распространенной является группа 2. Люди издавна верили в магическую силу *слова*. Не случайно в других языках, как и в русском, в основе номинаций магических действий лежит этот же признак: в англ. и франц. charm 'заклинание, заговор' от лат. carmen 'песня, магическая формула', capo 'петь, звучать'; англ. fortunetelling 'ворожба' от tell 'рассказывать', fortune 'рок, судьба', англ. quack 'лечить шарлатанскими методами' от quack 'болтать', spell 'заколдовывать, очаровывать' от старофранц. espeller 'говорить' [АВВУ Lingvo 12].

В результате компонентного анализа были выявлены общие признаки данной ЛСГ и соответствующие им инвариантные и дифференциальные семантические компоненты:

1. Характер действия: получение сведений (*выгáдывать*, *ворожить*); воздействие на что-либо (*причаровать*, *присушивать*);

2. Объект действия: предмет (*заговáривать*); человек (*подѣлать*, *присусѣдить*);

3. Средство действия: слово, звук (*заговáривать*, *шептáть*); предмет, вещество (*присушивать*); зрение (*сглáзить*); хитрость (*причаровать*, *завербовать*);

4. Цель действия: любовь (*выгáдывать*, *причаровать*, *опутать*); здоровье (*присусѣдить*, *пóртить*, *подѣлать*);

5. Результат действия: знание (*гадáть*, *ворожить*); вред (*присусѣдить*, *подѣлать*, *сглáзить*); польза (*заговáривать*); неволя (*причаровать*, *завербовать*); обман (*приворожить*, *околдовáть*, *опутать*);

6. Отношение к действию: боязнь (*присусѣдить*, *подѣлать*, *опутать*, *очаровать*); доверие (*выгáдывать*, *заговáривать*); нейтральное (*причаровать*, *гадáть*, *ворожить*).

Инвариантными являются семантические компоненты 'тайное знание', 'волшебная сила', 'специальные манипуляции', присутствующие во всех словах ряда. В данной ЛСГ некоторые лексемы являются общими названиями магических действий – гиперонимами (*ворожить*, *колдовать*, *чаровать*), другие же обозначают наименования специальных обрядов (*присушивать*, *присусѣдить*, *пóртить*) и являются гипонимами.

Большинство слов объединяются по признаку 'цель действия' в две подгруппы: *здоровье* и *любовь* как наиболее важные сферы в жизни диалектоносителей. Сема 'любовь' неразрывно связывается с семами 'неволя', 'боязнь', 'обман', обладает негативной коннотацией. Люди боятся быть обманутыми и подневольными даже в любви. Слова этой подгруппы имеют приставки со значением 'присоединение' (при-), 'охват предмета

целиком' (о-), 'законченность действия' (за-). Сема 'здоровье' соседствует с семами 'боязнь' и 'вред', характеризуется отрицательной оценкой.

Универсальным оказывается компонент 'правда': носители диалекта верят в реальность и эффективность магических приемов. В записях диалектной речи широко представлены высказывания, когда информанты отрицательно отвечали на вопрос о вере в магические обряды, однако в этом же контексте могли фиксироваться истории о применении колдовства в жизни. Лексика, описывающая магические действия, представляет собой сложно организованную систему, являющуюся важной частью диалектной картины мира, и нуждается в более детальной разработке.

Литература:

[СРНГ] – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П.Сороколетова. Л., 1974. Вып. 31.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. I-IV.

АВВУ Lingvo 12. 2006.